

СЛОВО ОБ АЛЕКСАНДРЕ КОНОВАЛОВЕ

Л.Б. Лихтерман

ФГАУ «Национальный медицинский исследовательский центр нейрохирургии им. Н.Н. Бурденко» Минздрава России; Россия, 125047 Москва, ул. 4-я Тверская-Ямская, 16

Контакты: Леонид Болеславович Лихтерман likhterman@nsi.ru

Статья представляет собой публицистический очерк, посвященный академику РАН Александру Николаевичу Коновалову и раскрывающий этапы его непростого профессионального пути, его вклад в развитие отечественной нейрохирургии, а главное – его уникальную личность.

Ключевые слова: Александр Николаевич Коновалов, нейрохирург, юбилей, 85-летие со дня рождения

Для цитирования: Лихтерман Л.Б. Слово об Александре Коновалове. Нейрохирургия 2018;20(3):111–7.

DOI: 10.17650/1683-3295-2018-20-3-111-117

Word of praise for Alexander Konovalov

L. B. Likhterman

N. N. Burdenko National Medical Research Center of Neurosurgery, Ministry of Health of Russia; 16 4th Tverskaya-Yamskaya St., Moscow 125047, Russia

This is a publicistic essay devoted to Aleksandr Konovalov, academician of the Russian Academy of Sciences. It covers the main stages of his career, his contribution to national neurosurgery, and, most importantly, his unique personality.

Key words: Aleksandr Nikolaevich Konovalov, neurosurgeon, 85th anniversary of birth

For citation: Likhterman L. B. Word of praise for Alexander Konovalov. Neyrokhirurgiya = Russian Journal of Neurosurgery 2018;20(3): 111–7.

АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ КОНОВАЛОВУ – 85!

Тот, кто попытается написать о нем, следуя биографии великого нейрохирурга, может заблудиться в его бесконечных чинах, наградах и регалиях. Герой Труда РФ, академик, трижды лауреат Государственных премий, почетный и действительный член множества ассоциаций, директор-рекордсмен по срокам и деяниям, президент, председатель, редактор – словом, это триумф (а он удостоен и премии с таким названием).

Но разве это определяет сущность Александра Коновалова?!

ПЛОДЫ «СЕМЕЙСТВЕННОСТИ»

Передо мной встает голодный мальчик военных лет, который в эвакуации вместе с братом Юрой готовит уроки и ждет маму с работы, чтобы хоть немного поесть и согреться.

А вот уже старшие школьные годы в Москве. Весь класс восхищается, как Саша Коновалов ходит на руках, и еще – он один из первых в учебе.

Отец – врач, мать – врач, дед – врач. По этой же стезе пошел и Александр. Как медалиста, его принимают

без экзаменов на лечфак Первого меда. Следуя за отцом — выдающимся неврологом Николаем Васильевичем Коноваловым, Александр решил посвятить себя этой профессии. И, конечно, стал бы неврологом. Но пресловутая семейственность: академик, директор Института неврологии в те времена не смел оставить при себе сына. В 1957 г. он направил его для обучения в Институт нейрохирургии им. Н.Н. Бурденко, где сложилась сильная неврологическая школа. Но здесь главенствовала нейрохирургия. К ней и потянулись сильные талантливые руки Александра, желавшего все делать и доводить до завершения самостоятельно. А за ними устремился его могучий интеллект. И он стал нейрохирургом — призвание на всю долгую жизнь и благо для больных.

ОПРАВДАВШИЙ НАДЕЖДЫ

Саша Коновалов был самым молодым из плеяды егоровских приобретений. Невысокий, но атлетически сложенный, с породистым, красивым и умным лицом, смотревшим на мир сквозь толстые очки, он выделялся на фоне уже проявивших себя талантов института особой пытливостью и жадностью к знаниям и умениям. У всех хотел что-то взять, научиться тому, в чем уже преуспели коллеги.

На Коновалове стояло клеймо «невролога», и его долго не воспринимали всерьез как хирурга. Но надо знать Сашу. Он выключил из жизни все, кроме спорта, до изнурения тренируя свои руки в анатомке, и, бесконечно ассистируя, — учился. Учился у Бориса Григорьевича Егорова, учился у Александра Ивановича Арутюнова, учился у Сергея Николаевича Федорова, учился у Федора Андреевича Сербиненко, учился у Эфраима Исааковича Злотника, учился у Эдуарда Израилевича Канделя...

Он знал, на что способен, но знал также, что талант может раскрыться только через труд. Талант и труд — это сочетание и сделало его сначала признаваемым, потом равным в «могучей кучке» — Федоров, Сербиненко, Габибов, Васин, Филатов, — а со временем и первым среди нейрохирургов Отечества. Что значит первый? Это не должность, не итоги голосования, а результаты операций, — разумеется, тех, которые по сложности относятся к вершинам нейрохирургии. Александр Коновалов их достиг, став одним из лидеров мировой нейрохирургии.

Как-то в Лионе в крупнейшем нейрохирургическом госпитале Франции я попал на операцию по поводу огромной краниофарингиомы у 4-летнего мальчика. Опытный нейрохирург, маясь с выделением опухоли, в сердцах сказал мне: «Сюда бы вашего Коновалова». Это и есть мировое признание.

Пришли к Коновалову слава и власть. Обычно они меняют человека, а нередко портят. Но к Александру Николаевичу это не относится. Каким был, таким и остался — великим тружеником, интеллигентным,

скромным, доступным, обязательным и порядочным. И, может быть, именно потому он, не будучи карьеристом, быстро сделал потрясающую карьеру, став в 42 года директором Института нейрохирургии, еще до этого — главным редактором журнала «Вопросы нейрохирургии», а спустя несколько лет Коновалова избрали председателем Всесоюзного общества нейрохирургов, вице-президентом Европейской ассоциации нейрохирургических обществ, в начале XXI в. — президентом Российской ассоциации нейрохирургов.

Он иронично относится к избытку своих наград и регалий (кроме одной: он дедушка, на свете появился и Александр Николаевич Коновалов — младший). Самое важное для него — ежедневный тяжелый труд в операционных и научные исследования.

ГЛАВНОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Свое главное предназначение Александр Коновалов исполняет в операционной, где творится нейрохирургическое действие. Входит в нее сосредоточенный, с каким-то отстраненным взглядом. Вымытые руки согнуты в локтях и, кажется, вознесены к небу. Ассистент вскрывает череп. Сложнейшая часть операции ждет мастера. Удаление опухолей ствола, III желудочка, шишковидного тела, зрительного бугра, базальных менингиом... Оперирует Коновалов точно, методично и деликатно; операционный микроскоп позволяет следить за его филигранной работой, за его отточенными движениями и учиться молодым нейрохирургам. Высшее напряжение переходит в высшее удовлетворение, когда опухоль убрана, а все мозговые функции удалось сохранить.

На эйфорию нет времени. В день Коновалов выполняет 2–3 нейрохирургических вмешательства, беря на себя самые трудные. Триста, или чуть больше, или чуть меньше операций в год, а за 60 лет хирургической деятельности — более 15 тысяч детей и взрослых, возвращенных, за редким исключением, к жизни. По качеству, да и по количеству операций Александр Николаевич неизменно относится к лидерам Института. Ему не завидуют, за ним стараются тянуться.

Школа А.Н. Коновалова — школа творческой современной микронейрохирургии с использованием систем операционного видения высокого разрешения, точной навигации, интраоперационного физиологического мониторинга и прицельных шадящих воздействий. Школа А.Н. Коновалова — это комплексное изучение физиологии и патофизиологии центральной нервной системы человека на основе единственно допустимой возможности, открываемой лечебными хирургическими вмешательствами на головном и спинном мозге.

Некоторые операции Александра Николаевича уникальны. Ему удалось, например, в ходе 16-часового вмешательства успешно разделить сиамских близнецов, сросшихся головами, так называемых краниопагов.

Эту операцию показывали по телевидению в Европе и Америке, о ней писали газеты и научные журналы. Как есть великие музыканты, так есть и великие нейрохирурги, возвысившие свое ремесло до уровня искусства. К ним относится А.Н. Коновалов. Один из ведущих нейрохирургов США проф. Майкл Апуццо сказал о нем: «Я близко знаком с выдающимся нейрохирургом современности профессором Александром Коноваловым. То, чего он достиг в микрохирургии опухолей головного мозга, — непостижимо. Коновалов — неповторим».

...Александр Николаевич — мужественный и благородный человек, никакой позы, никакой спеси. Он полон сострадания к больным, особенно к детям. Именно поэтому, как это ни парадоксально, он стремится от них дистанцироваться, чтобы эмоции не мешали решениям и спасительным действиям во время операций. Кому-то он кажется холодным; порой проходит мимо, никого не замечая и не здороваясь. В это время он просто погружен в невеселые размышления. «У каждого хирурга есть свое кладбище», — говорит Александр Николаевич.

Однажды поздним вечером мне довелось ехать с Коноваловым к нему домой — за рукописью I тома «Руководства по черепно-мозговой травме». Книгу надо срочно сдавать в печать, а замотанный Александр Николаевич уже несколько дней ее не возвращает. По пути уставший, не обедавший и явно собой недовольный Коновалов диктует в магнитофон протоколы двух сегодняшних операций: «невринома слухового нерва — сохранить распластанный на опухоли резко истонченный лицевой нерв не удалось»; «краниофарингиома — при попытке убрать петрификат травмирован зрительный нерв»... Так прямо и диктует. Коновалов удручен, он не оправдывает себя трудностью случаев — огромные запущенные опухоли, у больной с невриномой и до операции был грубый парез лицевого нерва, а мальчик с краниофарингиомой — слеп на оба глаза. Я понимал недовольство нейрохирурга самим собой: никто его не судит так строго, как он сам, даже если нет никакой вины.

Ночью мне приснилось, что Коновалов учит меня трепанировать внутренний слуховой проход. Когда утром я удивленно ему сказал об этом, он со свойственной ему иронией ответил: «Бесполезно, Леонид Болеславович» — и быстро пошел в реанимацию.

Александр Николаевич чувствует себя ответственным абсолютно за все, что он делает, особенно как врач. Вспоминается характерный для Коновалова эпизод. Июньским утром мы должны были вместе лететь в Англию на VII Конгресс Европейской академии мультидисциплинарной нейротравматологии. Александр Николаевич мечтал побывать в этой стране, где в молодости провел несколько учебных месяцев, ему так хотелось вновь посетить Кембридж и Оксфорд. И вдруг ранним утром в день отлета звонок:

- Извини, я не смогу полететь.
- Как же так, ведь твердо договорились!
- Вчера прооперировал больного, ночью вызвали — кровотечение, сделал ревизию, убрал гематому. Теперь должен наблюдать, не будет ли рецидива?
- Но больной под надежным присмотром, если почему-то понадобится нейрохирург, он всегда рядом и все что надо и как надо сделает.
- Это так, но больного оперировал я, и я за него в ответе.

Не полетел Александр Николаевич. С большим больше ничего не случилось; его, избавленного Коноваловым от протяженной опухоли основания черепа, благополучно выписали домой.

...Хотя наш центр огромный, все же мы часто с Коноваловым пересекаемся. Оба любим бежать по лестнице, спускаясь с 10-го этажа, где реанимация. Оба поднимаемся одним и тем же лифтом, — я до 9-го этажа, где моя клиника, он до 12-го этажа, где его операционные. Там ждут Коновалова нагрузки и перегрузки. Поднимается в операционную один человек, а спускается другой. После тяжелейшей, изнурительной многочасовой операции Коновалов идет-бредет, отрешившись от мира и пошатываясь от усталости и невероятного напряжения. Загорелое после горных лыж, его лицо зеленеет. Глаза блуждают. От меня отшатнулся. «Не бойтесь, я вас терзать не буду», — и откладываю нужное и требующее его санкции дело...

Как он всегда и за все переживает! Когда на утренних конференциях показывают на томограмме плохую опухоль, Коновалов сокрушенно покачивает головой и рукой тербит волосы.

Он один из тех, кто постоянно не только внимает происходящему в центре, но и неустанно контролирует каждый диагноз, показания к операции, тактику лечения. И нередко коноваловские замечания вовремя меняют ход событий, а если сказать эмоционально, — судьбу человека.

ДОМ КОНОВАЛОВА

Некоторые жалуются: «Его никогда нельзя застать в кабинете». А он, руководя институтом из операционного блока и одновременно спасая там больных, именно благодаря такому стилю совершил главный подвиг своей жизни: с нечеловеческими муками построил 14-этажный корпус и оснастил его современным оборудованием. По существу, Коновалов создал новый Институт нейрохирургии, так необходимый для России и соответствующий по всем параметрам мировым стандартам. Нет, не зря на открытии летом 1999 г. 300-кочной клиники Юрий Михайлович Лужков похвалил Александра Николаевича как строителя. А Коновалов на этом не успокоился: он думает и о будущем Института — и открывает впервые в стране отделение радиохирургии с гамма-ножом и линейными ускорителями. Он думает и о прошлом — и способствует созданию музея

истории московской нейрохирургии. Он думает и о душах страждущих — и восстанавливает храм святителя Николая Чудотворца. Введен в строй корпус позитронно-эмиссионной томографии. Завершено строительство центра нейрореабилитации. Впереди — новый операционный блок с интраоперационными нейровизуализацией, навигацией, мониторингом, роботами и современный учебный центр...

Высшее достижение Коновалова как администратора заключается в том, что коллектив Института нейрохирургии слаженно и устойчиво работает независимо от того, на месте ли директор или отсутствует по какой-либо причине. Но, конечно, когда Коновалов с нами, институтский тонус и энергетика существенно повышаются. Это и есть признаки истинного руководителя.

Институт — первый и самый главный дом для Коновалова. Здесь он с утра до вечера, а порой и ночами. Где бы он ни был, сюда его тянет неудержимо. В июне 2007 г. Александру Николаевичу в Кремле вручили Государственную премию РФ. Прямо из Георгиевского зала Коновалов направился в институт — посмотреть, прижились ли накануне посаженные цветы...

ХАРАКТЕР

Александр Коновалов — мой судьбоносный друг. Уже 60 лет мы вместе. На моих глазах произошел его взлет. Однако от своих друзей он не оторвался. Трогательно заботлив, но и требователен; никаких поблажек, скорее напротив. Мы с Сашей близки, тем не менее на работе всегда соблюдаем дистанцию, здесь мы только на «вы» и по имени-отчеству. Коновалов, игнорируя анонимки снизу и указания сверху, «пробил» для меня Москву, но не как для друга, а как для надежного помощника по 5-летней Всесоюзной программе по травме головного и спинного мозга (С.09). И я преданно служу делу, стараясь оправдать доверие друга. Иногда мне кажется, что он мной доволен, и это так открывает...

...После тяжелой, кровавой полостной операции, еще не отойдя полностью от наркоза, я открыл глаза и увидел в палате Сашу Коновалова. В его глазах были тревога и дружеское участие: «Леня, мы с тобой еще поработаем» — и подарил изящную записную книжечку с карандашиком. Прогноз Саши, к счастью, оправдался. Вот уже 22 года, как я вновь в строю. А сколько написано и вместе с Сашей, и без него!

С Коноваловым я объездил многие города России, ближние и дальние страны — программа С.09, пленумы проблемной комиссии, юбилеи соратников, конференции, съезды. Для Саши прежде всего — дело, но когда остаются свободные часы — кружение по улицам, музеи, природа. Мы оба с ним подвержены гипнозу солнца.

Я помню, как в апреле в Ереване прямо с заседания мы мчались к Матенадарану и на его ступенях

грелись на солнышке и любовались Араратом. Саша разделся до пояса, обнажив свой атлетический торс, я уснул в пиджаке и при галстукке. Когда очнулись, увидели, что нас снимают на кинокамеру. Разговорились с режиссером, учеником Сергея Параджанова. Он решил нами иллюстрировать французское издание о современном Ереване — уж очень колоритная пара на фоне скульптуры создателя армянской письменности Месропа Маштоца и Матенадарана.

Саша тут же выдал свой экспромт:

Сегодня я от счастья пьян,

Сегодня я безумно рад:

Со мною рядом Лихтерман

И также рядом Арарат.

Я ему тут же ответил:

Матенадаран и Коновалов,

Матенадаран и Лихтерман,

И Арарат, и Ереван

Сведут с ума потомков галлов.

На следующий день, тоже мечтая позагорать, мы поднялись на опорную стену в стороне от Матенадарана, разделись, легли на камни. *Два жареных тела у ног Месропа*, — начал свой экспромт Саша, уснули. Пробудились от энергичного голоса гида, который, показывая на нас, объяснял группе экскурсантов: «Эти люди пришли неизвестно откуда, но все дни лежат у Матенадарана, набираясь мудрости»...

Помню Пленум правления Ассоциации нейрохирургов России в Царском селе в конце мая 1999 г. накануне 200-летия со дня рождения Пушкина. Здесь все дышало памятью о великом поэте. Не уставая восхищаться, мы с Сашей наслаждались царскосельской архитектурой, роскошными музеями, бесконечно бродили белыми ночами по соловьиным паркам. Потом наш пленум переместился в Петербург, где продолжались наши бессонные ночи, но уже на воде — в плавании по паутине каналов...

Саша — смел, порой чересчур. Вспоминаю, как в Нижнем Новгороде после заключительного банкета по поводу Второго съезда нейрохирургов России, стоим с Коноваловым на Откосе в духоте июньской ночи. Саша обращается ко мне: «Хорошо бы сейчас выкупаться». Я ему: «Слабо?!», он мне: «Слабо!». В темноте, ощупью, по еле угадываемым крутым тропинкам скатились к Волге и поплыли по течению. Вышли обновленными.

Как-то в Домбае я спускался в люльке подвесной дороги. В синеве мартовского неба над снежными вершинами парил орел; я взглянул вниз и увидел другого орла, стремительно мчавшегося на лыжах с 3-тысячной высоты, — это был Саша.

Спорт неотделим от Коновалова. После нейрохирургии это его вторая страсть. В школьные и студенческие годы он увлекался гимнастикой. Помню, как вместе с Маратом Кариевым Саша на руках спускался по лестнице с 3-го этажа старого корпуса института.

Это было зрелище! Плавание и горные лыжи сопутствуют Коновалову всю жизнь. Но особенно и регулярно он занимается теннисом, в котором достиг мастерских высот. Без спорта Саша не смог бы выносить сверхпродолжительные физические и психологические нагрузки многочасовых операций.

Саша — сострадателен. Однажды мы были с ним на Пленуме правления Ассоциации нейрохирургов России на Северном Кавказе. Вечером 1 марта 2002 г. прямо в комнату, где заседал Пленум, позвонил по мобильному Яшар Гасанов: «Умер Сербиненко». Это был шок для всех. Мы не могли поверить, что ушел наш Федя. Было невмоготу. Саша Коновалов и я побрели в холодную звездную ночь среди нависающих громад, покрытых вечными снегами. Шумел лес. Позади остались поселок и кладбище альпинистов. Милый песик увязался за нами. Вдруг Саша в ужасе закричал: случайная машина сбила собачку. Склонились над бедным животным, чувствуя себя виноватыми и особо переживая случившееся. И, о чудо, бездыханный песик начал скулить, двигать лапками, затем поднялся и, прихрамывая, вновь побежал. Ярko мерцали звезды. Другого чуда не произошло...

Мы оказались как раз в тех местах, где прошли детство и юность Федора Сербиненко — ученого мировой величины, создателя эндоваскулярной нейрохирургии. По дороге в аэропорт Минеральные Воды, опоздав на рейс, набрали мешочек земли с его родины и купили горные цветы. Федя, как обычно, просил нас написать открытку с Северного Кавказа; ею стали фиалки и подснежники...

Саша — скромнен. Получить у него интервью или снять его для фильма почти невозможно. Он не терпит никаких, пусть абсолютно объективных и заслуженных похвал. Даже когда упоминание о нем как о директоре Института просто необходимо, он решительно восстает. Вспоминаю один эпизод. Мне было поручено написать в журнал «Вопросы нейрохирургии» юбилейную статью к 70-летию Московского института нейрохирургии. Естественно, в ней я сжато описал всех директоров института и короче, чем о других, сказал об Александре Николаевиче Коновалове, дольше всех возглавлявшем институт (с 1975 г.). Статья прошла все этапы редакционной подготовки, и уже верстка журнала попала на глаза Александру Николаевичу. Он категорично вычеркнул всякое упоминание о себе. Я возразил: «Как же такое возможно?! Получается, что институт почти 30 лет работает без директора. Ваша скромность заслоняет истину, ставит институт в нелепое положение». Но Коновалов настоял на своем. Типография была вынуждена переделать макет журнала.

Когда я брал интервью у Евгения Максимовича Примакова, он сказал: «К Александру Николаевичу я отношусь с нежностью. Он так беззащитен, когда речь идет не о деле, а о нем самом». И это действительно так.

Однажды мне довелось защищать Александра Николаевича. Шла объединенная сессия Большой Академии и Академии медицинских наук. Обсуждались проблемы трансплантации, в том числе стволовых клеток, при патологии центральной нервной системы. Председательствовали академики А.Н. Коновалов и М.В. Угрюмов. На фоне серьезных научных докладов, дискуссий о результатах экспериментальных исследований вдруг выступил один псевдоученый, известный безответственной пересадкой больным стволовых клеток за большие деньги. Он демагогически и громко заявил, что академик Коновалов тормозит развитие нейротрансплантации в нашей стране. Наглая лож ошарашила Александра Николаевича; почему-то молчал и Михаил Вениаминович Угрюмов. Притихла аудитория, а проходимец продолжал разлагольствовать. Я не выдержал, возмутился и с места прервал поток грязных обвинений: «Александр Николаевич абсолютно объективно и обоснованно отверг ваши недоказательные и опасные методические рекомендации по пересадке стволовых клеток при тяжелых травмах и заболеваниях головного и спинного мозга. Это сегодня клинически недопустимо. Вы же научной дискуссии предпочитаете злобную клевету. Немедленно прекратите!» Зал заплодировал, и авантюрист ретировался.

Саша — любопытен. Я рассказал ему об удивительном хохломском художнике Степане Павловиче Веселове, и он загорелся желанием встретиться с ним. Бросок на «волге» на 200 километров от Нижнего Новгорода, и мы в избе, где Степан Павлович творит травушку-муравушку, золотое солнце, задорных петушков, токующих тетеревов, гордых павлинов. Я был поражен, с каким интересом Саша вникал в таинства хохломской росписи. Точно так же в Париже он вглядывался в композиции Родена в мемориальном музее великого скульптора. А как неподдельно его захватили персонажи сказок Гофмана, с большим искусством созданные предприимчивым владельцем гостеприимного дома на родине сказочника под Кенигсбергом...

Академик А.Н. Коновалов приехал в Ялту на 100-летие моего отца проф. Болеслава Владимировича Лихтермана. И я наблюдал его и в домике Чехова, и в пещерных городах под Бахчисараем, и среди волн Черного моря...

Саша — обязателен. Решил создать современный Институт нейрохирургии и неотступно на протяжении 20 лет изнурял себя сложнейшим и очень дорогим строительством нового корпуса в условиях нестабильности 80–90-х годов. У него были все объективные основания опустить руки. И никто бы не посмел упрекнуть его. Но не таков Коновалов — он неуклонно добивался и добился своего, разумеется, не ради самоутверждения, а ради больных, сотрудников, отечественной нейрохирургии, ради страны.

Александр Николаевич — человек преодоления и в большом, и в малом. Как мне рассказывал его

родной брат Юрий Николаевич Коновалов, с детства Саша выделялся среди сверстников требовательностью к себе, последовательностью, ответственностью. С возрастом эти черты стали доминирующими в его характере. Они так важны для нейрохирурга и директора Коновалова. Он такой же и в спорте, который рассматривает не только как удовольствие, но и необходимость для поддержания профессиональной формы. Поэтому, преодолевая усталость и посттравматическую боль, он тренируется, тренируется, тренируется...

Я восхищаюсь Сашей, его талантливой разносторонностью и искренностью...

У Александра Николаевича блистательный дар оратора и лектора. Ему всегда внимают и коллеги, и студенты, и больные, и граждане, вслушиваясь в каждое его слово — в нем и смысл, и музыка одновременно, все то, что составляет очарование русской речи. Он неисчерпаем, постоянно разбрасываясь меткими сравнениями и афоризмами, порой саркастическими: «Кому — корка, кому — икорка», «Лучше быть убыточным, чем убылочным», «Все жалуются на память, но никто на ум», «Лучше хранить, чем хоронить», «Он слишком умен, чтобы быть искренним», «Чем больше децибелов, тем больше имбецилов», «Если лектор безлик, то его лекция ликбез»...

На комиссии по нейротрансплантологии под председательством Коновалова докладывают о новом методе лечения паркинсонизма — пересадке в подкорковые образования клеток мушек-дрозофил. «Больной взлетел?» — спрашивает Коновалов. И оценка метода для всех стала очевидной.

Бритвенность коноваловского слова, удивительная способность мгновенно уловить ритм, рифму, созвучие, ситуацию делают нелегким совместное с ним написание статей и книг, текст переделывается бесконечно, не всегда он от этого выигрывает, но обычно становится проще и прозрачнее.

У него есть потребность с кем-либо поделиться внешне найденной метафорой, удачной рифмой, забавным разложением слова или другим озарением. Нередко на заседаниях я получаю от Коновалова записки с рисунками; если бы он не был нейрохирургом, наверное, стал бы интересным художником или скульптором.

Коновалов добр и очень заразительно смеется. Он умеет и у меня вызвать неудержимый смех. И мы вместе хохочем и хохочем до боли в мышцах. Начинают смеяться и окружающие. Разумеется, не на работе.

СБЫВШЕЕСЯ ПРЕДСКАЗАНИЕ

Коллектив Института нейрохирургии особенный. Те, кто приходит в него работать, как правило, остаются здесь на всю жизнь. В институте нет склок и дряг, все трудятся, благо есть с кого брать примеры.

Александр Николаевич заботлив и необыкновенно гуманен к своим сотрудникам. Среди них немало тех, кому далеко за 70. А.Н. Коновалов держит «стариков»,

отдавших институту по 40–50 лет жизни. Конечно, в этом есть и расчет. Уверенные в своем будущем ученые не только дольше живут, но и приносят большую пользу и больным, и научным исследованиям; они и творцы, и опытные эксперты, и необходимые критики. А может быть, еще важнее, что, сохраняя старые кадры, Коновалов обеспечивает преемственность замечательных традиций и поколений бурденковцев. Неслучайно его сын Николай пошел по стопам отца, стал нейрохирургом, руководит спинальной клиникой, защитил и кандидатскую, и докторскую диссертации, а недавно его избрали членом-корреспондентом РАН. Династия Коноваловых продолжается...

А.Н. Коновалов востребован обществом, даже чересчур. «Наше национальное достояние», — точно определил его значение Иосиф Давидович Кобзон.

Вклад Александра Николаевича Коновалова в развитие отечественной нейрохирургии на микрохирургическом этапе соизмерим с деяниями Николая Ниловича Бурденко и Андрея Львовича Поленова на макрохирургическом этапе ее становления.

Площади института, крупнейшего нейрохирургического учреждения, при Коновалове увеличились в 12 раз, количество сложных мозговых операций за последние 15 лет при том же числе коек выросло вчетверо, а летальность снизилась в 10 раз!

Как он смог достичь столь достойных итогов своего «царствования»? Прежде всего высокой личной планкой, которая мобилизовала и сплачивала коллектив. Было за кем тянуться! И тянулись. И выросли поколения талантливых нейрохирургов, творчески раскованных, профессионально состоятельных. Ветви дерева сами превратились в деревья. Это и есть истинная высшая оценка учителя и руководителя. И этого достиг Коновалов, сочетая личный пример, сочувствие и помощь в чужой беде, либеральность к сотрудникам и жесткость к тем, кто нарушает этику врача.

...Когда в середине 70-х годов Александра Николаевича утвердили директором Института нейрохирургии, я из Горького послал ему телеграмму, в которой желал, «чтобы коноваловский период в нейрохирургии был долгим и счастливым». Так рад, что мое предсказание сбылось.

ПРОЗОРЛИВОСТЬ

Есть такое бюрократическое понятие — подбор и расстановка кадров. Александр Николаевич, хотя он абсолютно не бюрократ, в совершенстве владеет этим искусством, от которого зависит судьба дела.

Он оценил качества Яшара Керимовича Гасанова и сделал его заместителем по социальным и финансовым вопросам. И в труднейшие, лихие 90-е годы наш корабль — Институт нейрохирургии — не только не потонул, а благополучно миновав губительные рифы, сумел сохранить коллектив, невиданно расстроиться и обогатиться современными технологиями.

В Леониде Юрьевиче Глазмане директор увидел все качества главного врача флагмана отечественной нейрохирургии и сделал его заместителем по лечебной части.

Но самым прозорливым и значимым оказался выбор Александром Николаевичем своего заместителя по науке. В молодом кандидате наук Александре Потапове он угадал талантливую ученого и организатора. Четверть века Коновалов, давая полную свободу, пестовал своего преемника. Он доверял Александру Александровичу и ведение ученых советов, и представительство в самых высоких инстанциях, и ответственные переговоры, и организацию международных форумов. И вместе с тем беспокоился о научном росте своего первого заместителя. И когда, продирикторствовав без малого 40 лет, Александр Коновалов решил

оставить свой пост, то совершенно естественно его занял академик Александр Потапов, продолживший бурденковские, егоровские, арутюновские и коноваловские традиции и добавивший свои.

* * *

Александр Коновалов, несмотря на цепляющиеся хвори, все также неутомимо оперирует, выступает с научными докладами, редактирует журнал, учит студентов и ординаторов, пишет книги, играет в теннис, плавает, катается на горных лыжах, решает в самолетах кроссворды, вырывается в театры и на вернисажи...

Оранжевой звезде 9-й величины в созвездии Стрельца присвоено его имя.

Звездный путь самого долгооперирующего среди великих нейрохирургов мира продолжается...